

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в настоящее время в России большинство семей претерпевают различные социальные проблемы, решение которых возможно при тщательном анализе этих проблем и верного подхода к ним. А социальный работник, в свою очередь, поможет укрепить, поддержать и довести до ума фундамент идеальных семейных отношений.

Библиографический список

1. *Холостова Е.И.* Социальная работа: учебное пособие/7-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2010.– 800с.;
2. *Отв.ред. П.Д. Павленок.* Основы социальной работы: учебник/3-е изд., испр. и доп.-М.: ИНФРА-М, 2009.-560с. – (Высшее образование).

Башманов В. В., Казакова А. Ю., Калининченко О. Ю.
РГГУ, г. Калуга

«СОЦИАЛЬНОЕ ДНО» КАК ОБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Выявление и учет факторов социального риска люмпенизации личности, возможностей предотвращения данного риска и реабилитации люмпенизированной личности, которые используются или могут быть использованы в практике социальной работы, характеристика состава субъектов, функций и форм управления процессами маргинализации и люмпенизации населения – актуальные проблемы современной теории стратификации и социальной мобильности, уровень изученности которых на сегодня достаточно низок.

С целью определения степени внимания к данным проблемам специалистов, отдельных социальных общностей, широких масс населения нами ранее применялись контент-анализ и ивент-анализ печатных и электронных калужских СМИ и материалов сети Интернет, экспертный опрос, мини-эксперимент в форме консультаций со специалистами; опросы горожан методами анкетирования и интервьюирования. В итоге изучения источников формирования общественного мнения по данным социальным проблемам, роли и доли, создающих «повестку дня» СМИ, содержания когнитивного, эмоционально-оценочного, волевого компонентов общественного мнения был сделан значимый и сегодня вывод: объективно депривированные социальные слои, за исключением несовершеннолетних, «депривированы» и в информационном пространстве.

Оценка уровня толерантности массового сознания как показателя социальной психологии городского населения в целом; определение социальных слоев и категорий населения, подверженных наиболее устойчивой

стигматизации; характеристика волевой компоненты общественного мнения о тех или иных подвидах «социального дна», позволяющей предсказать реакцию населения на реальные управленческие меры, которые могут быть предприняты для решения (смягчения) данной проблемы, - это задачи исследования, итоги которого представлены в настоящей статье.

В июне 2012 г. в ходе контент-аналитического исследования Калиниченко О.Ю./Башмановым В.В. проведен анализ статей, опубликованных за период с января по декабрь 2011 года в следующих еженедельных периодических изданиях: «Калужский перекресток» (развлекательная «семейная» городская газета), «Калужская неделя» (муниципальное общественно-политическое), «Аргументы и факты-Калуга» (деловое издание с региональной вкладкой). За весь указанный период нами выделено 16 публикаций, посвященных теме «социального дна», что составляет 11% от всего количества номеров этих периодических изданий за год. Таким образом, как и ранее, по состоянию на 2012 г. тема находится «на периферии» регионального информационного пространства. В контексте данной темы показательно, однако, не только то, о чем упоминается, но и то, о чем не упоминается в изученных материалах.

В числе категорий анализа, кроме выделения конкретного слоя в составе «социального дна», упомянутого в материале (всего 20 упоминаний), присутствовали тип издания (деловое, общественно-политическое, развлекательное); источник материала (официальный, корпоративный, редакционный или читательский), характер темы (социальное дно – основной предмет изложения; тема социального дна «всплывает» как дополнение – аргумент/ контраргумент – к основной теме; «социальное дно» - один из мотивов материала, призванный послужить иллюстрацией или художественным приемом к основной обсуждаемой теме). Наконец, анализ призван был выявить наличие в материале способа решения проблемы «социального дна» и характер этого решения, гипотетического субъекта управления и степень уверенности в верности предлагаемого «рецепта». Все рассмотренные материалы по источнику - официальные; в основном это интервью, либо мнения экспертов по поставленному вопросу. Иными словами, среди социальных субъектов всех уровней только государство становится инициатором общественного обсуждения данной социальной проблемы. Тема «социального дна» в приведенных статьях является либо дополнительной, либо иллюстративной, что означает отсутствие реальной обеспокоенности судьбами и функциями «социального дна» у субъектов всех уровней, включая государство, а также спекуляцию на проблеме андеркласса в художественно-эстетических или политических целях.

В составе категории лиц, находящихся в сложной жизненной ситуации, в анализируемых публикациях представлены: «лица без определенного места жительства и занятий (БОМЖиЗ)» (5,6%), «одиноким пенсионеры» (5%), «детси-сироты» (5,6%), «безнадзорные дети» (5,6%), «безработные» (5,6%),

«многодетные семьи» (16,6%), «нелегальные мигранты» (22,2%) и «алкоголики и наркоманы» (38,8%). Среди абсолютно «выпавших» из информационного пространства категорий, причисляемых различными исследователями к «социальному дну» или «группам риска», способным пополнить «дно», оказались: лица, освобожденные из мест лишения свободы; малоимущие (за порогом бедности) граждане; лица, систематически занятые попрошайничеством; люди, потерявшие трудоспособность, в том числе инвалиды; матери-одиночки; неблагополучные семьи; нелегальные мигранты.

Описания способа решения проблемы приведены лишь в трети (33,4%) случаев, в остальных описание проблемы либо отсутствует, либо представлено нечетко. Там, где можно зафиксировать конкретный способ решения проблемы, авторами предлагаются: «профилактика» сложившейся ситуации (31,3 %), «использование ресурсов», в основном, административных (31,3 %), «улучшение положения», опять-таки за счет административного или государственного ресурса (18,8 %), «игнорирование» проблемы (6,3 %), «изоляция» социально незащищенных и дискриминируемых граждан (6,3 %).

В качестве субъекта управления проблемой «социального дна» в изученных статьях выделяются «государство» (68, 8 %), «общество в целом» (18, 8 %), сами социально-незащищенные категории граждан (6, 3 %) и «никто» (6, 3 %). Характерно, что в числе субъектов, которых должно волновать положение лиц, оказавшихся на периферии общественной жизни, в материалах ни разу не упоминается предусмотренный кодировкой вариант «Родственники, друзья, ближайшее окружение». Это отражает ранее выявленный реально низкий уровень помогающих установок калужан и степень самоорганизации малых социальных групп в плане противостояния рискам маргинализации.

В июле 2012 г. при помощи проведения личного дистантного (телефонного) опроса на тему отношения калужан к представителям «социального дна» мы определяли представление жителей города Калуги о сущности «социального дна», его свойствах и возможностях управления его динамикой. Одним из основных стал полузакрытый вопрос о причинах, которые приводят людей к положению «подонков общества», с вариантами ответов «Они такими родились»; «Они такими стали под влиянием условий жизни, окружения»; «Они такими стали из-за собственного неправильного поведения» + собственный вариант ответа. Выбор предложенных вариантов мы рассматривали как индикаторы авторитарности/толерантности сознания респондента. Результаты указывают на то, что причины анализируемой проблемы носят эндогенный характер, убеждены 34 % опрошенных. То есть, на рационально-логическом (информационном) уровне представление о формировании «социального дна» характеризуется пониманием того, что проблема эта носит не личностный, а общественный характер. Еще больше снижается доля ответственности личности при появлении в опросе провокационной категории «вины» в падении на дно. Несмотря на то, что половина респондентов полагает, что решить проблему «дна» - значит «помочь

этим людям почувствовать себя членами общества», а не «следить, чтобы они не мешали жить нормальным людям», волевой компонент общественного мнения демонстрирует большую долю интолерантных установок. Подавляющее большинство приветствовало бы жесткие репрессивные меры как способы регуляции социального дна. Данный результат действительно массово распространен, так как не удается выявить сколько-нибудь значимой корреляции ни с социально-демографическими, ни с социально-экономическими, ни прочими переменными социального статуса респондентов.

За ужесточение законодательства по данному вопросу стоят 84 % одиноких людей (вдовых, холостых, разведенных) и 72 % состоящих в официальном или гражданском браке, то есть прослеживается отрицательная, но крайне слабая (-0,12) корреляция, равно как и для признака детности (-0,15). В отношении возраста, однако, следует отметить экстремальные значения. Минимальную компетентность в вопросе заявляют самые молодые и самые пожилые респонденты, а также лица в возрасте около 50 лет. Максимально толерантны только люди, чей возраст чуть меньше или чуть больше шестидесяти, в несколько меньшей степени – тридцатилетние. Вопрос о том, почему повышается толерантность в 30 лет и почему 60 – летний рубеж становится своеобразным «барьером» для толерантности (несколько раньше и некоторое время спустя – «да», тогда как в шестьдесят лет – «нет»), мы связываем с тем, что люди шестидесятилетнего возраста воспитывались, получали образование и работали в СССР, при этом «тунеядство», «бродяжничество», «попрошайничество» не только осуждалось обществом, но, и в некоторых случаях, являлось уголовно наказуемым деянием. Поэтому естественно, что представители этой возрастной группы, в силу многолетнего стереотипа, воспринимают описываемые категории граждан не столько как лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, сколько как лиц с выраженным антиобщественным поведением, которое, с их точки зрения, граничит с преступным. У тридцатилетних пора взросления, становления личности, формирование ценностно-мотивационной сферы пришлось на момент изменения социально-экономической формации в стране, на время, когда государство перестало принуждать своих граждан к обязательному труду, но при этом стало снимать с себя бремя поддержания минимально необходимого уровня жизни людей, в том числе и неработающих.

За «жесткие» меры управления динамикой социального дна выступает основная масса городского населения, независимо от характеристик имущественно-экономических, культурно-образовательных, властно-правовых, семейно-демографических. Вытекают эти меры из представления о конкретных категориях, наполняющих «социальное дно», поскольку в первом приближении представление о его составе реконструировалось на основе открытого вопроса о категориях лиц, которых можно причислить к «подонкам общества».

Как видим из результатов исследования, в число лиц с резко осуждаемой девиацией общественное мнение включает представителей как «социального

дна», так и «элиты», что связано прежде всего со структурно-позиционной маргинальностью, резким отличием от большинства населения. Откуда, по мнению опрошенных, берутся представители «социального дна», что является источником девиации: «Они такими родились»; «Они такими стали из-за собственного неправильного поведения», «Они такими стали под влиянием условий жизни, окружения».

По итогам распределения ответов на вопрос о том, что значит решить проблему «дна» - «помочь этим людям почувствовать себя членами общества» (интегративная установка) или «следить, чтобы они не мешали жить «нормальным» людям» (изоляционная установка), можно выделить группы, однозначно, по мнению респондентов, подлежащие изоляции: воры, насильники, экстремисты, убийцы, воры в государственном аппарате, коррупционеры, олигархи.

В зависимости от представления о составе «социального дна» определяется и набор практик управления его динамикой, которые респонденты считают допустимыми. С различной степенью уверенности к лицам, достойным смертной казни, респонденты относят: педофилов, маньяков, насильников, серийных убийц и лиц, совершивших преднамеренное убийство. Стерилизации могут подвергаться: маньяки, психически неуравновешенные люди и насильники «в случае, если точно доказана вина». Даже такая мера, как принудительная отправка на каторгу, в армию, рабочий дом, монастырь, встречает категорическое неприятие со стороны лишь небольшой части респондентов. Это мера наказания, которую следует применять «за незначительные преступления». Среди мер, предлагаемых в своих вариантах ответов, - «помощь психолога», «создание "модели современного общества», «индивидуальный подход к каждому». При этом друг с другом скоррелированы такие меры, как принудительная стерилизация и принудительное лечение (на уровне 0,34), принудительная стерилизация и изоляция людей с психическими расстройствами (0,33), создание «гетто» и использование принудительного труда (0,7).

Помимо карательных мер рассматривалась и возможность оказания помощи. Если бы от респондента лично зависело распределение бюджетных средств, финансовую помощь они бы оказали группам лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, в следующей (восходящей) последовательности: помощь проституткам, помощь алкоголикам и наркоманам, помощь нелегальным мигрантам, помощь нищим, помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы, помощь лицам БОМЖ, помощь неблагополучным семьям, помощь безработным, помощь многодетным семьям, помощь безнадзорным детям, помощь при потере трудоспособности, помощь сиротам в детских домах, помощь одиноким пенсионерам, инвалидам и матерям-одиночкам (одинаковые ранги).

Вопрос отношения общества к определенным категориям населения, которых можно объединить термином «социальное дно» остро стоит не только

в небогатых странах, но и в государствах с развитой, в том числе социально - ориентированной экономикой. Обычные граждане, не имеющие высокого уровня доходов, позволяющего не соприкасаться с нежелательными людьми, негативно воспринимают представителей люмпенизированного населения. Одними из причин являются и страх оказаться в аналогичной ситуации, и убежденность в преимущественно преступных способах получения средств для существования и вытекающей из этого опасности, которую представляют люмпены для населения. Их небезосновательно считают разносчиками опасных инфекций, озлобленными, несдержанными, способными к насилию. Здесь базовым является наличие факта борьбы двух взаимоисключающих представлений. С одной стороны, люди хотят, чтобы государство помогло указанным категориям граждан вернуться к социально-одобряемой жизни, с другой, готовы репрессивными мерами изолировать люмпенов от общества. Таким образом, основной мотив, которым руководствуются люди в своих установках, обусловлен потребностью избегания любых контактов с представителями «социального дна», что становится фактором поддержания и укрепления социальной эксклюзии как его основной структурно-позиционной характеристики.

Библиографический список

1. *Казакова А.Ю.* Благотворительность в системе социальной поддержки и мобилизующая функция массовой коммуникации в процессе управления общественным мнением (на материале кампаний помощи детским домам в Калуге). - Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 9. - АНО "Калужский научный центр", 2008.

2. *Рогозин Д.М.* Влияние численности семьи на уровень кооперации в телефонном интервью // Социс, 2006, № 3.

Копалова О. С.

РГППУ, г. Екатеринбург

ДОСТУПНОСТЬ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

Платные медицинские услуги являются важной составляющей деятельности практически всех государственных, муниципальных, частных учреждений системы здравоохранения. Рынок платных медицинских услуг появился в Российской Федерации сравнительно недавно (в конце 1980-х - начале 1990-х гг.) и в настоящее время активно развивается, охватывая все новые направления медицины и потребительские сегменты. Российский рынок коммерческой медицины восполняет недостатки бюджетной медицины, чем привлекает к себе все большее число пациентов. Сегодня количество